

Страница изъ исторіи благоустройства города Харькова.

(1760—1765 г.).

Городъ Харьковъ не имѣтъ пока своей исторіи, ни общей, ни частной; кое-какіе напечатанные матеріалы и отдѣльныя замѣтки не заслуживаютъ этого имени. Поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ предпріятію здѣшней городской думы, которая, не дождавшись исторіи, пришла къ рѣшенію, года два тому назадъ, раздобыть ее черезъ назначеніе денежной преміи за лучшее сочиненіе по исторіи городского самоуправления. Но мы опасаемся, что городъ и этимъ путемъ все-таки не получитъ желаемого. Городская дума слишкомъ низко цѣнитъ ученый трудъ, полагая, что премія въ 500 руб. можетъ быть достаточнымъ вознагражденіемъ за многіе, требующіе для исполненія подобнаго труда, мѣсяцы усидчиваго и кропотливаго архивнаго труда, предполагающаго, кромѣ того, спеціальную теоретическую, историко-юридическую подготовку. Къ слову сказать, не получивъ, вѣроятно, своей исторіи и губернское земство, которое, въ послѣднюю сессию, по предложенію своего достопочтеннаго гласнаго Егора Степановича Гордѣенка, также поручило управѣ написать исторію своего самоуправления.

Такъ какъ, кажется, у насъ нѣтъ надежды увидѣть въ скоромъ времени цѣлую исторію Харькова, то мы полагаемъ, что не лишены интереса и значенія и отрывки изъ нея, хоть бы даже съ тѣмъ содержаніемъ, которое видно изъ заглавія нашей статейки. Не занимаясь спеціально исторіей Харькова, мы не имѣли возможности выбирать для нашего эпизодическаго повѣствованія между различными ея моментами важнѣйшіе и интереснѣйшіе: случайно намъ попалось интересное дѣло, по случайности же оно оказалось относящимся до дѣйствительно важнаго и интереснаго момента. Моментъ этотъ—начало 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія—былъ моментъ переходной, критической, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ одной стороны, къ этому времени относятся первыя систематическія попытки внутренняго благоустройства города, имѣющія почву въ томъ, что Харьковъ уже терялъ свое старое значеніе и приобреталъ новое, торговое и административное, съ другой стороны, это время непосредственно примыкаетъ къ той коренной реформѣ, обнародованной манифестомъ 1765 г., которая давала всей организаціи Слободской Украины иной видъ, мѣняя мѣстное военное ея управленіе на общее гражданское. Слѣдовательно, это время, когда старыя черкасскія „обыкности“ смѣшивались съ узаконеніями центральной власти. Но чтобы сдѣлать дальнѣйшее изложеніе, вполне понятнымъ читателю, необходимо дать нѣкоторые предварительныя свѣдѣнія о томъ, что такое былъ Харьковъ описываемаго нами времени въ отношеніи численности населенія и организаціи его управленія.

По Филарету, въ Харьковѣ въ 1750 г. было жителей: мужчинъ 4601, женщинъ—3569, всего 8170 душ.; въ 1770 году—мужчинъ 5048, женщинъ 4680, всего 9728. Слѣдовательно, можно принять для начала шестидесятихъ годовъ приблизительную цифру населенія Харькова въ 9000 душъ об. пола. Въ населеніе теперешняго средняго уѣзднаго города, въ родѣ Богодухова. Въ силу военнаго характера устройства края, Харьковъ дѣлился, по управленію, на двѣ козацкія сотни. Сотники и сотенныя управленія, стоявшіе во главѣ со-

тень, были подчинены полковой канцеляріи, имѣвшей пребываніе также въ Харьковѣ. Полковой же канцеляріи были подчинены городничій и городской атаманъ *), на обязанности которыхъ лежали главнѣйшія заботы по виѣшнему благоустройству города. Сама же полковая канцелярія, вмѣстѣ съ полковой старшиной, находилась въ непосредственномъ подчиненіи командира слободскихъ полковъ, а затѣмъ уже начальника украинской дивизіи, который былъ главнымъ лицомъ по управленію краемъ. Въ тотъ короткій періодъ времени, который мы захватываемъ, начальниками украинской дивизіи были сначала генералъ-поручикъ Петръ Ивановичъ Стрѣшневъ, а съ 1762 г. генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Куликовскій. Наконецъ, необходимо сказать еще, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ городского благоустройства принимали участіе цехмистры, выборныя лица по управленію ремесленными цехами. Вотъ и весь несложный механизмъ, который съ начала шестидесятихъ годовъ приведенъ былъ въ дѣйствіе для осуществленія нѣсколько не свойственной ему цѣли—благоустройства города Харькова. Главная и энергическая инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала начальнику украинской дивизіи Петру Ивановичу Стрѣшневу. Хотя онъ занималъ эту должность съ 1758 г., но повиdanому только въ 1760 г., къ которому относится нижепрілагаемый его ордеръ въ Харьковскую полковую канцелярію, имѣлъ возможность ознакомиться съ положеніемъ Харькова; можетъ быть, онъ жилъ до тѣхъ поръ въ Бѣлгородѣ. Видимо, его поразило Харьковское неблагоустройство, которое онъ и описываетъ очень выразительно. Приводимъ этотъ ордеръ цѣликомъ, такъ какъ онъ даетъ понятіе и о положеніи города со стороны его виѣшняго благоустройства и объ органахъ его благоустроенія и о первыхъ попыткахъ къ улучшенію этихъ органовъ. Вотъ этотъ ордеръ отъ 30 марта 1760 г.:

„Хотя уповательно, что оная Харьковская полковая канцелярія, имѣя въ полученіи генерально всенародные и особливо до должностей касающіеся указы, регламенты и уставы, между прочимъ и о содержаніи городской полиціи наблюденіе чинить, однако, какіе именно въ томъ распоряженія здѣсь учреждены и къмъ особо опредѣленнымъ хранятся, подробно мнѣ еще неизвѣстно. Точію усмотрѣно мною въ улицахъ, переулкахъ, рынкахъ и радахъ имѣется большая нечистота и мѣста, подлежащія къ проходу чрезвычайно загромождены и, сверхъ того, предъ дворами и на площадяхъ валяются мертвыя собаки и кошки и другое падалище; слѣдственно при нынѣшнемъ весеннемъ, а паче въ лѣтнемъ и жаркомъ времени не только вредительнаго воздуха, но и отъ того въ людяхъ жестокихъ болѣзней опасаться надлежитъ, а при томъ и отъ пожарныхъ случаевъ есть ли какія полицейскія установленія и жителямъ ко отвращенію вредительныхъ воспослѣдованій довольные приказанія и потребные инструменты (кои со временемъ и освидѣтельствованы быть могутъ) имѣются-ль неизвѣстно-жъ. А какъ вчерашняго числа у здѣшняго жителя портного Фрикціуса учинился былъ пожаръ, то не только при томъ инструментахъ и ведеръ и прочаго не было, но и жителей ни кого при томъ не находилось, но уже военно служащими всякая помощь дана и вредъ отвращенъ, однако-жъ по множеству въ трубѣ сажі, которая, какъ довольно видно было, отъ давняго времени запущена, едва воспрепятствовать съ великимъ спасеніемъ было возможно. Слѣдственно, въ разсужденіе пріемется, что иногда и вовсе отъ пожарныхъ случаевъ ни какихъ распоряженій, а паче иногда и обывателямъ о имѣніи осторожности и о вспоможеніи къ потушенію огня повеленій не имѣется. И для того упреждая чрезъ то печальныхъ и вредительныхъ приключеній, Харьковской Полковой Канцеляріи чрезъ

*) Главныя обязанности городничаго и городского атамана состояли въ наблюденіи за общественными вѣсами, за колодниками и т. п.

сіе накрѣпко подтверждаю: 1) въ сходство полицейскихъ учреждений, опредѣлить добропорядочнаго и надежнаго человѣка, ежели, паче чинія, кого во опредѣленіи до нынѣ не было, для опредѣленія той должности (т. е. должности завѣдующаго полицейской частью) и дать ему довольное наставленіе въ касающемся до непремѣннаго и всегдашняго наблюденія о имѣніи въ улицахъ, переулкахъ, рядахъ и рынкахъ, то-жъ на площадяхъ, въ въ дворахъ всякой чистоты и чтобы отнюдь собакъ и другого падалица валяющагося не было, но за городомъ въ пристойныя на то мѣста бросати, навозъ также возили, а не предъ воротами и другихъ между жильемъ мѣстахъ оной оставляли. Что все не только на надсмотрщикахъ, но и на хозяевахъ, предъ чѣмъ то дворомъ или вблизи будетъ взыщется со штрафовъ. 2) Отъ пожарныхъ случаевъ велѣть всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ имѣть зѣло крѣпкую предосторожность, и во всякомъ дворѣ на воротахъ съ чѣмъ быть къ пожару, т. е. съ ведрами, топоромъ, бочкою, съ водою или съ другимъ инструментомъ въ скорости, подписать и подчинить все то въ смотрѣніе десятскимъ, дабы въ потребномъ случаѣ каждый десятскій свое число людей къ пожару представить, а въ случаѣ кого небытія отповѣть (отгнѣть) дать могъ, однако-жъ безъ всякаго послабленія, причѣмъ неточію скорѣе прочихъ къ полиціи опредѣленному для присмотру того, но и полковымъ командирамъ здѣсь находящимся быть и всевозможное стараніе прилагать къ отвращенію видимаго тогда опасенія, вреда и убытка, трубы грубыя и конны вѣлѣть понедѣльно чистить, дабы отнюдь въ нихъ сажі не было, и чрезъ то, какъ и вчерашняго числа, пожару приключиться не могло. Что все не полагаясь на десятскихъ, полицейскому командиру самому по недѣлю-жъ свидѣтельствовать, и кои хозяева явятся въ наблюденіе того слабы или не послушны, на таковыхъ взыскивая того къ штрафу представлять полковымъ командирамъ, коимъ усматривая преступленіе, виновныхъ неупустительно штрафовать, и, однимъ словомъ, все то, что до сохраненія общества согражданъ касается велѣть непремѣнное исполненіе чинить, какъ того полицейская инструкция требуетъ, а при полковой канцеляріи крючки и другіе запасные инструменты и при нихъ людей то-жъ и въ бочкахъ воду всегда имѣть, дабы приуготовленіемъ генерально при обывательскомъ вспоможеніи частый вредъ отвратить было возможно. Что все на полковыхъ командирахъ, ежели что несмотрительнаго отъ ихъ должно-сти и по полиціи окажется, взыщется, для чего имъ и самимъ людей то-жъ наблюдать, ибо за симъ подтвержденіемъ полицейскія установленія, которыя до показанныхъ случаевъ принадлежатъ, найчаще могутъ примѣчаемы быть, и все то, что до оной инструкціи касается взысканіемъ минованы не будутъ, слѣдственно въ томъ въ самой скорости дѣйствительнымъ пополненіемъ поступить, не отлагая на то время, пока нужда въ томъ востребуетъ“.

Изъ того, какъ отнеслось мѣстное Харьковское начальство къ этому ордеру можно заключить, какимъ новымъ дѣломъ было требуемое отъ него ордеромъ попеченіе о городскомъ благоустройствѣ, хотя-бы даже и въ такомъ не обширномъ смыслѣ, какъ заботы о чистотѣ и безопасности отъ пожаровъ. Сотники, къ которымъ тотчасъ-же отнеслась Полковая канцелярія, излагая неожиданныя и настоятельныя требованія верховнаго начальства, видимо не могли вмѣстить и мысли, что они могутъ заняться такихъ необычнымъ дѣломъ. Протестъ свой они выразили, надо сознаться, въ очень странной формѣ. Одинъ рапортуетъ канцеляріи, что „за одержимую меня тяжелою болѣзнію по вышесланному повелѣнію не только чрезъ три дня, но иногда и долгое время пока я отъ той болѣзни съвожусь и исполненіе учинить не можно“ и проситъ уволить его отъ сотничества; второй пишетъ, что „за великою моею болѣзнію и старостію то-жъ за слабымъ здоровьемъ чинить той полиціймейстерской должности крайне я не могу, ибо не точію мнѣ по улицамъ для осматриванія о вышесланномъ ѣздитъ, но и ходить и сидѣть то-жъ руками и ногами дѣйствовать ничего не могу и затѣмъ онаго дѣла и никакого править за показанными резоны мнѣ не можно“. Можно подумать, что въ Харьковскіе сотники выбиранись лишь

никуда негодные инвалиды, но это былъ только способъ протеста, такъ какъ сотники на первый разъ не нашли придумать ничего болѣе остромунаго и сподручнаго. Позднѣе сотники стали отговариваться своими непосредственными обязанностями, которыя, будто-бы, никакъ не позволяютъ имъ принимать участіе въ городскомъ благоустройствѣ: нужно-де быть постоянно готовымъ къ походу, дѣлать сборы, заботиться о колодникахъ и т. п., да и козаковъ-де свободныхъ нѣтъ на лицо, всѣ разошлись по неотложнымъ дѣламъ и т. д. Однимъ словомъ, Полковая канцелярія въ концѣ-концовъ, за полной невозможностью подвинуть сотниковъ на новый тяжкій подвигъ, должна было оставить ихъ въ покоѣ: сотники отстранились отъ городского благоустройства, оставивъ за собой лишь обязанность постав-лять козаковъ на помощь, въ необходимыхъ случаяхъ, напр. для тушенія пожаровъ, для ночныхъ патрулей и т. п.

Полковая канцелярія должна была приискывать иные способы для приведенія въ исполненіе предначертаній высшаго начальства, которое постоянно слало ей новые ордера и подтвержденія. Правда, у полковой канцеляріи былъ специальный исполнительный органъ, въ видѣ городничаго, на прямой обязанности котораго лежало вѣдѣніе городского благоустройства. Но традиціонное пониманіе городского благоустройства, лежавшаго на городничемъ съ его пушкарями, было далеко отъ того новаго пониманія, которое хотѣли навязать то и дѣло посылаемые ордера. Городничій, конечно, хорошо зналъ, что городскія укрѣпленія должны быть въ порядкѣ, но съ трудомъ выѣцалъ въ себѣ мысль, что необходимо какой-нибудь порядокъ и чистота также и на городскихъ улицахъ. По крайней мѣрѣ, послѣ множества ордеровъ, указовъ, подтвержденій, доношеній, рапортовъ на счетъ чистоты, Полковая канцелярія все-таки видитъ себя вынужденной писать городничему Пинтелеймонову слѣдующее: „присмотрѣно, что въ городѣ Харьковѣ не токмо въ улицахъ, переулкахъ, но и противъ твоего двора помѣть и мертвечина валяется, съ чего признается, что по вышеписаннымъ повелѣніямъ ни малѣйшаго радѣнія не имѣешь и ниже въ умѣ о той нужности держишь...“ Такимъ образомъ, полковая канцелярія, убѣдившись, что отъ сотниковъ ждать нечего, да и отъ городничаго трудно рассчитывать на многое, стала придумывать спеціальныя органы, которые взяли-бы на себя организацію городского благоустройства. Въ ея распоряженіи были, съ одной стороны, сами городскіе жители, съ другой полковая старшина. Но съ полковой старшиной ладить было не такъ-то легко. Полковая канцелярія назначаетъ для верховнаго наблюденія за благоустройствомъ оставшаго сотника Анастасѣва; тотъ рѣшительно отказывается, представляя кучу резоновъ, по которымъ онъ оказывается въ льготномъ положеніи и никакъ не подлежитъ привлеченію къ таковой обязанности. Вновь назначается полковой хорунжій Квитка, но тотъ заявляетъ, что „по моей болѣзни и за отдаленіемъ моего отъ города жилища какъ опредѣляемое дѣло требуетъ исполнить того не въ состояніи“; Полковая канцелярія потребовала строжайше, чтобъ хорунжій безъ малѣйшихъ отговорокъ, принялъ свое назначеніе, и дѣйствительно мы не видимъ дальше съ его стороны никакихъ отговорокъ, но за то не видимъ и того, чтобъ онъ что-нибудь дѣлалъ въ смыслѣ навязываемыхъ ему обязанностей. Только подприпорный Костицъ, тоже назначенный канцелярією къ дѣлу городского благоустройства, вѣроятно, по своему малому чину, не представляетъ никакихъ протестовъ. Неудачнѣе идетъ и привлеченіе къ благоустройству города самихъ жителей, безъ содѣйствія которыхъ, дѣйствительно, трудно было обойтись въ такомъ дѣлѣ при отсутствіи матеріальныхъ средствъ и сколько-нибудь цѣлесообразной организаціи. Сначала ограничивались тѣмъ, что черезъ сотенное и иное начальство прямо обращались къ жителямъ, разъясняя имъ требованія высшихъ властей на счетъ порядка и чистоты и угрожая жестокими штрафами за неисполненіе этихъ требованій; но это ничему не помогало. Тогда учреждены были выбранные изъ жителей десятскіе, пятидесятскіе и сотники. На обязанности ихъ лежало только наблюденіе за чистотой и ту-

шеніе пожаровъ. Больше не считало возможнымъ возлагать на жителей и мѣстное начальство въ видахъ того, чтобы они „отъ домашней экономіи не лишились“ и что „по состоянію Харьковскихъ жителей многихъ одиночествомъ и большею частью бѣдныхъ число состоитъ изъ коихъ и свое пропитаніе сверхъ казачьяго вспомогательства отъ поденной работы имѣютъ и за тѣмъ ко всегдашней полицейской службѣ употребить невозможно“. Но и свои непосредственныя обязанности, относительно чистоты и пожаровъ, сколько можно судить, они исполняли не особенно усердно: очищеніе города подвигалось туго, а относительно тушенія пожаровъ есть донесеніе городничаго Полковой канцеляріи, что „десятники, пятидесятники и соцыкіе, по усмотрѣнію моему, ни одинъ на томъ пожарѣ за ослушностью своею не явился“.

Изъ всего изложеннаго выше, какъ кажется, ясно видно, на сколько плохо были приспособлены органы стараго военного управленія къ отправленію новыхъ, навязываемыхъ имъ сверху, обязанностей, обусловливаемыхъ вновь наступившимъ инымъ строемъ общественныхъ отношеній. Реорганизация была необходима. Разумѣется, она и явилась-бы дѣйствіемъ того процесса видоизмѣненія и наростанія, какимъ создается все истинно жизненное и органическое. Но этотъ процессъ не успѣлъ обнаружить своего дѣйствія. Реорганизация спустилась ех machina. Если Харьковъ дождется своего историка, то онъ покажетъ намъ, какъ отразился этотъ историческій поворотъ на дальнѣйшемъ ходѣ нашего городского благоустройства. А пока вернемся къ нашему предмету.

Городское благоустройство, въ эту первую эпоху его водворенія на стогнахъ нашего богоспасаемаго града, понималось несложно. Изъ приведеннаго выше ордера видно, что главными его предметами были чистота и пожарныя предосторожности; затѣмъ къ этимъ пунктамъ присоединено было охраненіе безопасности отъ воровскихъ людей и наблюденіе за торговлей. Этими четырьмя предметами ограничивалось тогдашнее представленіе о городскомъ благоустройствѣ.

Подъ чистотой, какъ видно изъ вышенприведеннаго ордера, понимались лишь очень элементарныя ея условія: „чтобы въ улицахъ, переулкахъ, рядахъ, рынкахъ отнюдь собакъ и другаго падалища валяющагося не было“, да чтобы „навозъ возили, а не предъ воротами и другихъ между жильемъ мѣстахъ оставляли“. Но соблюденіе и этихъ элементарныхъ условій было сопряжено съ большими затрудненіями. Мы видѣли выше, съ какимъ трудомъ даже такіе спеціальныя органы городского благоустройства, какъ городничій, вмѣщали въ себѣ мысль о необходимости наблюдать за чистотой: по всей вѣроятности, все это представлялось не иначе какъ пустой затѣей и прихотью высшего начальства. Едва-ли производили какое-нибудь дѣйствіе и начальственные вразумленія на счетъ „вредительнаго воздуха“. Да и какія-же средства были въ распоряженіи городничаго, еслибы онъ и проникся сознаніемъ вреда отъ нечистоты? Единственно, сознаніе самыхъ жителей и ихъ содѣйствіе могли чему-нибудь помочь. И вотъ Полковая канцелярія заботится о подтвержденіяхъ жителямъ и подпискахъ съ нихъ, чтобы „всякъ въ своихъ и предъ своими дворами держали чистоту, дворъ чистили и вывозили за городъ въ поля, въ ямы и въ лѣса, которые отъ жилыхъ мѣстъ по отдаленіи кому куда способиѣ, а на рѣкахъ Харьковѣ и Лопани и на рѣчкахъ и перелокахъ никакого помету и сору не бросать, дабы отнюдь на улицахъ и переулкахъ никакого помета и мертвечины не было, что каждому жителю противъ своего двора по утрамъ рано покамѣсть люди не будутъ ходить и ѣздить вездѣ всякой пометъ и соръ очищать, а ежели кто противъ своего двора и въ прочихъ мѣстахъ гдѣ надлежащей чистоты не будетъ и за то виновныхъ штрафовать“. Когда жители были организованы, въ цѣляхъ городского благоустройства, въ сотни и десятки, одно изъ двухъ ихъ обязанностей было наблюденіе за чистотой. Но едва-ли ихъ заботы были особенно успѣшны: по крайней мѣрѣ въ этомъ можно усомниться вслѣдствіе все повторяющихся жалобъ на нечистоту. Только

для очищенія ярмарочныхъ мѣстъ приняты были нѣкоторыя болѣе дѣйствительныя мѣры. Въ 1764 г. городничій Бѣлорозовъ рапортуетъ Полковой канцеляріи, что „пріѣзжающіе на ярмарки посторонніе купцы и разнаго званія люди, ставятся съ возами и лошадьми какъ округъ форштату по близости замка, а такъ и въ срединѣ замка содержатъ лошадей близъ своихъ воезовъ чрезъ цѣлое ярмарочное время, отчего весьма умножается навозъ; во время дождей безмѣрная бываетъ грязь, такъ что и проѣзду быть не можно, а въ лѣтнее время когда великіе бываютъ жары отъ таковыхъ навозовъ въ пожарномъ случаѣ и опасность не малая имѣется“. Принявъ во вниманіе это представленіе городничаго, Полковая канцелярія сдѣлала такое распоряженіе: чтобъ „пріѣзжающіе для своихъ промысловъ съ разныхъ мѣстъ люди“ оставляли своихъ лошадей на квартирахъ, а не на отведенныхъ имъ для торгу мѣстахъ; буде-же захотятъ имѣть лошадей все время ярмарки при своихъ возахъ, то должны платить съ воза по 10 копѣекъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи городничаго должны были накопиться нѣкоторыя средства для очистки занавоженныхъ мѣстъ наймомъ вольныхъ работниковъ. Распоряженіе это и практиковалось: у городничаго была особая книга для записи поступленій и расходовъ. Вотъ и всѣ мѣропріятія на счетъ чистоты, свѣдѣнія о которыхъ дошли до насъ черезъ упомянутое выше дѣло.

Гораздо больше, чѣмъ чистота, возбуждали вниманіе начальства предосторожности отъ пожаровъ, вызывавшія относительно большія заботы и мѣропріятія. Изъ всѣхъ предметовъ городского благоустройства—это былъ наиболѣе опекаемый. Оно и понятно: его польза и значеніе были гораздо очевиднѣе, чѣмъ значеніе вреда отъ „вредительнаго воздуха“. Въ 1763 году, когда старшій городничій Пантелеймоновъ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто поступилъ Бѣлорозовъ, новый городничій получилъ отъ Полковой канцеляріи инструкцію, подробно трактующую о томъ, каковы должны быть его обязанности относительно городского благоустройства. Изъ семи пунктовъ этой инструкціи, посвященныхъ разъясненіямъ относительно его обязанностей, пять говорятъ о пожарныхъ предосторожностяхъ. Прилагаемъ эту инструкцію въ подлинникѣ: надѣемся, что читатель не посѣтуетъ за ея длинноту, благодаря ея интереснымъ подробностямъ, рисующимъ и положеніе города, и мѣры, принимаемыя для улучшенія этого положенія, и, самое интересное, отношеніе властей къ населенію.

„Въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ и генералъ-штетскихъ повелѣній о содержаніи въ городѣ Харьковѣ полиціи, хотя бывшему Харьковскому городничему Федору Пантелимонову неоднократно посланными изъ Полковой канцеляріи указами и данными ему инструкціями и велѣно чинить по опредѣленной должности непремѣнное исполненіе точію оной Пантелимоновъ находится уже въ отставкѣ и по наряду отправленъ для препровожденія марширующихъ разныхъ полковъ земскимъ комиссаромъ. А нѣтъ по вѣшнему времени происходятъ жестокіе вѣтры, отчего явилась немалая суша, а какъ безвѣзвѣстно, что во многихъ здѣшнихъ жителей въ дворахъ, и особливо болѣе гдѣ живутъ *дехтари*, и въ тѣсныхъ улицахъ не малымъ числомъ имѣется *куховъ* (большія бочки) съ дегтемъ, тожъ и на базарѣ по разнымъ мѣстамъ, кому гдѣ мѣсто пожелалось, и особливо подъ самую оградою Николаевской церкви изъ хворосту, такожъ изъ дегтяныхъ *куховъ* изъ трости и цѣлыми дегтянными кувшами подблали себѣ шалаши и поставленныя въ тѣхъ шалахахъ заруженной весьма дегтемъ дегтярекой посуды не мало тутъ же наполненныя и куфи съ дегтемъ имѣются, а сверхъ того-жъ оными дехтари и протчими обывателями какъ между тѣхъ шалашовъ, такъ и по протчимъ на базарѣ мѣстамъ по упрямствамъ ихъ наладено въ большихъ скирдахъ сѣно, къ тому-жъ какъ Харьковскіе, такъ и пріѣзжающіе въ разныхъ мѣстъ въ городѣ Харьковѣ въ торговые дни обыватели становятся промежъ означенныхъ шалашей и дегтю съ сѣномъ и соломой и тѣмъ засориваютъ базаръ отъ какова сору имѣется немалой на базарѣ навозъ и затѣмъ въ бываемые дожди великая грязь да и проѣзжающимъ немалая трудность и остановка есть. Совершенно-жъ дабы не учи-

нилось во время нынешней суши и вѣтровъ (отъ чего Боже сохрани) пожарнаго случая отъ тѣхъ шалашей и наваленнаго многимъ числомъ въ разныхъ мѣстахъ и на базарѣ сѣна и дегтю, коего не мало по близости отъ разныхъ шинковъ, дворовъ, въ которыхъ по большей части горячему вину продажа происходитъ состоитъ немалая опасность. Также имѣющийся въ городѣ Харьковѣ неподалече отъ городской крѣпости кузенной рядъ состоитъ между жилыми дворами въ самомъ весьма тѣсномъ и отъ пожарнаго случая опасномъ мѣстѣ, въ которомъ прошлого 762 году въ февралѣ мѣсяцѣ ночнымъ временемъ учинился было пожаръ и сгорѣло девять кузень. Хотя-жъ минувшаго 761 году июня 16 дня даннымъ изъ оной Полковой канцеляріи означенному бывшему городничему Пантелимонову ордеромъ и велѣно тѣхъ сѣтниковъ и дегтярей, торгующихъ въ Харьковѣ между жителями съ ихъ промыслами для лучшей безопасности отъ пожаровъ вывести изъ города Харькова и торговать имъ тѣми своими промыслами подлѣ воды за броварями (пивоваренные заводы) между рѣчками Лопанью и Нечею, а въ городѣ отнюдь имъ той продажи не чинить, кузенной рядъ въ подлежащія мѣста, подъ взысканіемъ съ ослушниковъ по указамъ штрафа, точею и понынѣ имъ Пантелимоновымъ по тому исполненія не учинено. Того ради по Ея Императорскаго Величества указу въ Харьковской Полковой канцеляріи опредѣлено для содержанія означенной полицейской въ городѣ Харьковѣ должности опредѣленъ ты и имѣешь чинить по нижеслѣдующему.

1-е.

Сколь скоро сію инструкцію получишь, тотчасъ самому тебѣ весь городъ Харьковъ и позагородомъ всѣ жилья объѣхать и накрѣпко приказать всѣмъ жителямъ, дабы они отъ пожаровъ имѣли денную и ночную найкрѣпчайшую предосторожность, а сверхъ того во всѣхъ домахъ печи и грубы, а въ винокурныхъ печки дабы въ оныхъ не топили перепечатать и велѣть для предостереганія отъ пожару подблать каждому землянки въ огородахъ или гдѣ можно не вблизи отъ жилья для топленья и печенья хлѣбовъ и по вытопленьи въ тѣхъ землянкахъ огонь заливать, да и въ самое то варенье имѣть должною отъ огня всѣмъ предосторожность. По пребытіи-жъ вечерней тапты, ежели кому, кромѣ подлыхъ (нисшаго класса) людей, какая надобность потребуетъ то свѣчи въ домахъ имѣть позволяется, однако съ крайнею предосторожностію, а какъ спать ложиться стануть, то неотмѣнно гасить. Чего ради по городу и за городомъ по жильямъ и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ ходить каждую ночь съ перемѣною и всего того накрѣпко предостерегать къ чему въ своемъ вѣдомствѣ пристойное число нынѣ находящихся при артиллеріи въ наличности пушкарей имѣть и ежели кто въ пренебреженіи того опредѣленія найдется, то-жъ и спящихъ пьяныхъ безпашпортныхъ брать подъ караулъ и представлять въ Полковую канцелярію при рапортахъ, а здѣшнихъ жителей по изобрѣтенію винности штрафовать безъ всякаго упущенія и понаровки, и всѣмъ хозяевамъ шинковъ найкрѣпчайше подтверждать чтобъ у нихъ никогда по ночамъ въ продажѣ никакого питья не было и въ шинки никого ни подъ какимъ видомъ не пускали подъ штрафомъ, а ежели въ шинкахъ ночью и съ огнемъ продажа будетъ питьямъ и въ которомъ пьяные найдутся, то тѣхъ и хозяевъ брать подъ караулъ-же и потому-жъ представлять въ Полковую канцелярію.

2-е.

Сверхъ-же того въ городѣ и за городомъ и всѣмъ жителямъ приказать накрѣпко дабы въ пожарное время со дворовъ своихъ изъ числа людей, сколько надлежитъ для унятія отъ того бѣжали безъ замедленія, а конечно какъ услышать пожаръ того-жъ часу и какъ возможно отъ пожару отымали и тушили и для того велѣть имъ всегда имѣть въ готовности кошело, ведра, топоры, и къ тому смотрѣнію противъ прошлагоднего опредѣлить сощихъ, пятидесятихъ и десятихъ, о коихъ взять отъ объявленнаго бывшего городничего Пантелимонова именную вѣдомость, а при томъ ста-

ратся, чтобы у нихъ, соцкихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, въ удобныхъ мѣстахъ бочки съ водою были, крюки и вилы пожарныя и лѣстницы и прочіе подлежащія къ утушенію матеріалы, а сверхъ того и близъ Полковой канцеляріи и казеннаго погреба имѣть тебѣ на роспускахъ бочки съ водою, противъ прошлагодняго, съ прибавкою также и крючья, учиненное отъ означеннаго бывшаго городничего Федора Пантелимонова и прочія, касающіяся къ предосторожности отъ пожараго случая инструменты, принявъ, исправить надлежащимъ образомъ и содержать оныя въ добромъ призравніи, а прошлогднихъ объявленныхъ-же соцкихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ держать тебѣ изъ семейнистыхъ и по очереди, дабы несемьянистымъ и одному предъ другимъ обиды слѣдовать не могло, и дать имъ билеты за свою рукою, съ такимъ крѣпкимъ подтвержденіемъ и подпиской, чтобы во время иногда (отъ чего Боже сохрани) учинившагося пожара каждой своего вѣдомства съ обывателями съ бочками съ водою, съ ведрами, топорами, крючьемъ и другими инструменты тотчасъ явились и тотъ пожаръ утушили. Чего ради при объявленномъ твоёмъ объѣздѣ кому надлежитъ съ топоромъ, съ ведромъ и другими матеріалы на пожаръ явиться подписать на воротахъ.

3-е.

Къ лучшему охраненію отъ пожаровъ въ торговыхъ рядахъ по лавкамъ и по анбарамъ и во дворахъ на строеніи и на потолкахъ и на кровляхъ велѣть поставить кадки съ водою и при томъ веники или метлы неотмѣнно всѣмъ жителямъ имѣть, а имѣющуюся въ крѣпости и за городомъ и между жилищами на крышкахъ и вездѣ солому и протчей комышъ во всѣхъ домахъ для лучшей же безопасности отъ огня въ самой скорости вывезть за городъ надъ рѣку Харьковъ и въ другія отдаленныя мѣста.

4-е.

Имѣющіеся въ городѣ Харьковѣ подлѣ самой Троицкой церкви между жилищами кузнецкіе ряды со всѣмъ строеніемъ, не оставляя ничего, вывезть надъ рѣку Харьковъ въ неопасное отъ пожаровъ мѣсто и далѣе отъ жилья, дабы такіа опасности впредъ каковъ того 762 году въ февралѣ мѣсяцѣ отъ тѣхъ рядовъ пожаръ послѣдовалъ преемъ и до разоренія обывателей не допустить и опредѣлить каждому кузнецу мѣста на ихъ кузнецкое построеніе уравнивая противъ оныхъ мынѣшнихъ кузень шириною и длину безъ излишества и велѣть имъ тѣ кузни построить какъ найскорѣе и дать имъ отъ себя билеты, чтобы каждый отъ пожару имѣлъ крѣпкую предосторожность, подѣ опасеніемъ, ежели изъ которой кузни пожаръ послѣдуетъ взыскація какъ въ полицмейстерской инструкціи повелѣно безъ упущенія.

5-е.

Торгующихъ въ городѣ Харьковѣ промежду жилищами дегтярей и сѣениковъ со всѣми ихъ промыслами и шалашами, отъ которыхъ и совершенно слѣдуетъ немалая къ пожару опасность по тому-жъ вывезть изъ города на площади: одну часть неподалече мельницы брегадирши Дуниной, между рѣчками Лопанью и Нечетью, другую выше Деркачевской башни, третью на Бѣлгородскомъ тракту, четвертую близъ Молчановой гребли, въ удобныхъ и неопасныхъ отъ пожаровъ мѣстахъ или гдѣ оныя дегтари и сѣеники къ тому торгу мѣсто взять пожелаютъ.

6-е.

Какъ прїѣзжающимъ изъ разныхъ мѣстъ въ городъ Харьковъ разнаго званія людей на торги и ярмарки отнюдъ недопускать и между жилищами сору метать, такъ и особливо смотрѣть накрѣпко всякому противъ своего двора въ силѣ полицейской должности имѣть чистоту, дабы всѣмъ проѣзды были безтрудны, сухи, свободны и невозбранны.

Сколько въ Харьковѣ (кромѣ здѣшнихъ жителей) воинскихъ чиновъ и ихъ служителей, разночинцовъ находящихся, кто откуда пришелъ, и своимъ-ли домомъ живетъ или съ найму и у кого именно и давно-ли, съ пашпортами или безъ пашпортовъ именную вѣдомость учина, подать въ Полковой канцеляріи въ самой скорости.

Къ лучшему-жъ о вышеписанномъ распорядку о порученной тебѣ полицейской должности всѣ посылаемые указы, инструкціи и ордера отъ показаннаго бывшаго городничата Пантелеимонова тебѣ принять, о чемъ къ нему указомъ изъ Полковой канцеляріи предложено, по которымъ тебѣ во всемъ непремѣнное чинить исполненіе, безъ упущенія, опасаясь за пренебреженіе жесточайшаго штрафа и что учинено и впредь чиниться будетъ въ Полковую канцелярію почасту рапортовать.

Ежели, что въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, въ такомъ случаѣ поступать тебѣ по генеральному 724 года указу.

Будучи у сего обидѣ и озлобленій никому не чинить и отъ лихоимства воздерживаться, опасаясь жесточайшаго штрафа“.

Конечно, преданіе не особенно свѣжо, но все-таки вѣрится съ трудомъ, чтобъ Харьковцы сто лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ не могли топить печки въ домѣ, а должны были варить себѣ ѣду въ землянкахъ, чтобъ зажечь свѣчку вечеромъ было привилегіей лишь однихъ не-подлыхъ людей, да и то привилегіей, допускаемой только съ соблюденіемъ крайней предосторожности. Таковы были Драконовы законы, (новое изданіе средневѣковаго *couvre-feu*), предъ которыми не остановилось мѣстное начальство, чтобъ увеличить безопасность отъ пожаровъ. Впрочемъ, другія его мѣры нельзя не назвать какъ энергическими, такъ и цѣлесообразными: таковы всѣ распоряженія на счетъ дегтарей, кузницъ, сѣнниковъ. Но средства, находившіяся въ его распоряженіи, для предупрежденія и тушенія пожаровъ, были очень незначительны. Тѣ же самые мѣстные жители, съ ихъ десятками и сотнями, должны были имѣть въ готовности кошело, ведра и топоры, бочки съ водой, крышки, вилы и лѣстницы и обязывались бѣжать безъ замедленія на пожаръ—вотъ и все. Правда, козаки и воинскіе чины разныхъ командъ, постоянно или случайно проживающихъ въ Харьковѣ, также должны были помогать тушить пожаръ. Но вѣдь они должны были являться на пожаръ съ голыми руками, и слѣдовательно, и польза отъ нихъ была небольшая. Правда, былъ нѣкоторый запасъ и казенныхъ снарядовъ, въ видѣ бочекъ на роспускахъ, крычьевъ и т. п. Но все это было, повидимому, въ очень зачаточномъ видѣ. Въ слѣдующемъ, 1764 г., Полковая канцелярія такъ опредѣляетъ нормальное количество казенныхъ пожарныхъ инструментовъ, какое должно быть всегда наготовѣ: 12 желѣзныхъ багровъ, 12 бочекъ съ водою на роспускахъ, 20 топоровъ, 24 ведра. Но изъ донесенія городничата Бѣлозорова видно, что инструментовъ въ его распоряженіи было только: 8 желѣзныхъ багровъ, бочекъ на роспускахъ 5, да и тѣ всѣ при пороховомъ казенномъ погребѣ, а ни ведеръ, ни топоровъ нѣтъ вовсе. Средства—и по тогдашнимъ ограниченнымъ потребностямъ—крайне ничтожны. А между тѣмъ полицейская инструкция (1722 г.) требовала, чтобъ были для тушенія пожаровъ заготовлены и мѣдныя заливныя трубы съ рукавами, крышки и пожарныя вилы, лѣстницы, парусы, войлочные щиты. Полковая канцелярія рѣшительно не знала какъ быть съ такими сложными и хитромудрыми требованіями, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи ея не было никакихъ спеціальныхъ суммъ на этотъ предметъ. Тогда она обратилась за разъясненіями въ сенатъ, а пока разрѣшила выдать городничему Бѣлозорову, изъ сборовъ съ конской площадки, 6 рублей на недостающіе топоры, ведра, бочки и багры. Такимъ образомъ въ распоряженіи городничата и его пушкарей была малая толика пожарныхъ инструментовъ, такихъ, „которы-

ми въ пожарномъ случаѣ безъ всякой трудности дѣйствовать можно“, какъ выражается городничій. Однако трудность все-таки нашлась въ видѣ бочекъ. Онѣ были приготовлены на случай пожара, стояли съ водой и на роспускахъ; но при нихъ не было лошадей, „а обывательскихъ во время скоро-приключившагося пожара снискать съ трудностью“. Полковая канцеларія разрѣшила выдавать на этотъ случай почтовыхъ лошадей. Изъ всего изложеннаго выше видно, что помощь отъ пожаровъ сосредоточивалась главнымъ образомъ на мѣрахъ къ ихъ предупрежденію, причемъ очень мало принималась въ расчетъ стѣснительность этихъ мѣръ для населенія. Средства же къ прекращенію пожаровъ были крайне слабы и ничтожны. Организация пожарной части, со стороны снарядовъ, была лишь въ зачаточномъ состояніи, въ видѣ нѣсколькихъ бочекъ безъ лошадей, ведеръ, топоровъ и багровъ; спеціальной пожарной команды не было пока и въ зародышѣ. А между тѣмъ, повторимъ еще разъ, ни одна отрасль городского благоустройства не возбуждала столько вниманія, хлопотъ, мѣропріятій со стороны мѣстнаго начальства, какъ эта.

Другая отрасль городской безопасности, послѣ пожаровъ, была безопасность „отъ воровскихъ людей“. Въ началѣ того короткаго періода времени, который мы разсматриваемъ, эта сторона совѣтъ не входила во вновь складывающуюся организцію городского благоустройства. Да и потомъ она обращала на себя вниманіе лишь случайно: появится новая шайка воровскихъ людей, произойдетъ одинъ-два выдающихся случаевъ воровства или грабежа, и вотъ начальство поднимается на ноги, начинается переписка, придумываются мѣры, пока опять все не уляжется до новаго случая. Конечно, населеніе, имѣло свои традиціонныя средства, чтобъ улаживать затрудненія подобнаго рода, какъ имѣть ихъ всякій дикій поселокъ, о безопасности внутри котораго никто не заботится. Но для выросшаго города уже были недостаточны эти, такъ сказать, домашнія средства охраны. Въ городѣ были постоянно посторонніе люди, торговые и иные особенно во время ярмарокъ; одніе воинскія команды постоянно квартировали здѣсь, другія останавливались при случайномъ проходѣ, внося въ городъ элементы, сильно склонныя къ нарушенію общественной безопасности. Начальство и въ этомъ случаѣ, прежде всего, прибѣгало къ разнымъ стѣсняющимъ мѣрамъ предупрежденія. Напр. было распоряженіе брать подъ караулъ, кто идетъ въ темнотѣ безъ фонаря, уже не говоря о пьяныхъ или безшапшортныхъ; запрещалось въ тѣхъ же видахъ пускать кого-либо въ шинки ночью, т. е. послѣ пробитія вечерней зари, или продавать изъ нихъ какое нибудь питье; постоянно напоминалось начальствующимъ воинскимъ чинамъ, чтобъ они смотрѣли за своими солдатами и не выпускали ихъ на улицу послѣ зари. Наконецъ, начальство не остановилось даже передъ такими распоряженіями, которыя были болѣе, чѣмъ просто стѣснительны. Приводимъ, напр., такое предписаніе жителямъ: „Во отвращеніе на военно-служащихъ нареканія жителямъ, у кого постой есть, всѣмъ объявить черезъ сотенныхъ съ подписками, чтобъ всякъ хозяинъ своего постояльца обстоятельно знать могъ имущество, такожь постоялецъ ночевалъ въ квартирѣ или ежели куда отлучался, и у постояльца когда какія въ его имущества покажутся вновь вещи, хозяинъ объявлялъ бы черезъ своего десятника по командѣ полиціи; равномѣрно ежели и постоялецъ у хозяина можетъ примѣтить что сумнительное, своей командѣ по тому-жъ обѣ являлъ бы—почему способе безвинному оправданію, а лишенному возвращеніе съскачать“. Еслибъ такая система взаимнаго шпіонства могла привиться, чего, вѣроятно, не было въ дѣйствительности, то она была бы просто ужасна; но, если она даже и не проникла въ жизнь, то все-таки могла порождать массу злоупотребленій. Или, напр., постановленіе, въ силу котораго каждый домохозяинъ долженъ „въ своей обширности дому во всякое время собою чинить обыскъ“, чтобъ не оказалось чего нибудь подозрительнаго, и ежели по чьимъ о воровствѣ объявленіямъ чинимаго отъ полиціи обыску какія изъ поворованныхъ вещей спущутся, то таковой (хозяинъ) имѣть не долженъ оправданія въ незнаніи во-

ровства, для того что онъ какъ не охранитель своей чести, слѣдовательно и желателенъ повергнутымъ быть всякой безчестности“. Такимъ образомъ, каждый домохозяинъ могъ подвергнуться обвиненію въ воровствѣ, только по тому, что въ районѣ его владѣнія нашлись украденныя вещи.

Или, наконецъ, распоряженіе на счетъ сотенныхъ: „Ежели черезъ ихъ, сотенныхъ, оплошность въ ихъ сотняхъ какое послѣдуетъ воровство, то они подлежатимуть взыскаіію“. Къ этой категоріи мѣры надо отнести и распоряженія на счетъ нищихъ: въ видахъ увеличенія общественной безопасности, было предписано, чтобъ нищие не бродили по рядамъ и улицамъ, а „когда мало могутъ работать, кто похочетъ взять, тѣмъ отдать“. Надо замѣтить, что мѣры болѣе стѣснительнаго характера исходили отъ мѣстнаго начальства; высшее начальство, въ видѣ начальника украинской дивизіи, предписывало обыкновенно лишь мѣры болѣе общаго и рациональнаго характера. Къ такимъ мѣрамъ надо отнести, между прочимъ, переписи, „сколько же въ Харьковѣ, кромѣ здѣшнихъ жителей и воинскихъ чиновъ и ихъ служителей, разночинцевъ находится, подать ко мнѣ именную вѣдомость, показавъ въ оной, кто откуда пришелъ и своимъ ли домомъ живетъ или по найму, и у кого именно и давноль, съ паспортами или безъ паспортовъ, и впредь ежели таковыя являться будутъ меня рапортовать“, такъ предписывалъ Стрѣшневъ еще въ 1761 г. и съ тѣхъ поръ верховное начальство не разъ напоминало Полковой канцеляріи на счетъ подобныхъ переписей. Усиленные жалобы на воровскихъ людей начались съ 1763—64 гг. Харьковскіе жители жалуются, что „невѣдомо какіе воровскіе люди ночью порою въ комнатахъ замки ломаютъ и въ хатахъ окошки отрываютъ и бьютъ“, „что въ домахъ ихъ по ночамъ бываютъ почти всегдѣшнія кражи, а на площадяхъ и днемъ во время базаровъ грабежи, которое послѣдствиемъ приличившихся пресиходитъ отъ проходящихъ разныхъ и квартирующихъ въ городѣ Харьковѣ воинскихъ командъ солдатъ и другими неслужащими людьми“. Встрѣчаются и отдѣльныя жалобы на описаніемъ какъ дневныхъ безпорядковъ и побойщъ, такъ и дерзкихъ ночныхъ грабежей. Когда положеніе дѣлъ такимъ образомъ обострялось и становилось ясно, что, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры, обычныхъ средствъ недостаточно, чтобъ положить конецъ, прибѣгали къ экстраординарнымъ способамъ. Сами жители не могли быть въ этомъ случаѣ употреблены въ дѣло по причинамъ, о которыхъ сказано выше; приходилось прибѣгать къ помощи казаковъ и тѣхъ же самыхъ воинскихъ командъ, которыхъ обыватели считали за главный источникъ зла—что, впрочемъ, энергично опровергало ихъ воинское начальство. Эти экстренныя мѣры заключались въ устроившія гауптвахты, никетовъ и патрулей. Сначала „зло унималось употребленіемъ отъ полковой канцеляріи по ночамъ патрулинтами конныхъ казаковъ, а днемъ отъ поставленной на площади Харьковскаго полку казачей гаубвахты“. Но въ 1764 г. начальникъ Украинской дивизіи фонъ-Вринкъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ казаки не употреблялись болѣе натакую полицейскую службу, и тогда пришлось прибѣгнуть къ помощи Борисоглѣбскаго драгунск. полка, который стоялъ въ Харьковѣ на постоянныхъ квартирахъ. Начальство этого полка, принимая во вниманіе, что онъ „въ Харьковѣ непремѣнныя квартиры имѣетъ, слѣдственно и въ спокойствіи оного во всемъ беретъ участіе“, тотчасъ же и безъ всякихъ возраженій приняло на себя охрану общественной безопасности. Оно опредѣлило: „учредить патрули, коимъ велѣтъ каждой ночи въ 9 часовъ начать отъ своихъ квартиръ по всѣмъ улицамъ и шинкамъ смотрѣть, и если въ то время увидятъ на улицѣ безъ лозунга или фонаря, или въ шинку, какого бѣ званія кто ни былъ, таковыхъ взять подъ караулъ, приводить въ штабъ-квартиру; во время-жъ торговъ, въ недопущеніе грабительства и иныхъ непорядковъ, имѣють днемъ патрули-жъ посылаться при унтеръ-офицерахъ“. Устраивались также отъ Борисоглѣбскаго полка гауптвахты и никеты. Во время ярмарокъ, въ 1765 г., пришлось прибѣгнуть еще и къ помощи Харьковскаго гусарскаго полка. Въ этомъ году постановлено было „внутри города гдѣ рады и въ нихъ товары купческіе

имѣются въ пристойныхъ мѣстахъ изъ гусаръ и Борисоглѣбскаго полку драгунъ учредить пикетъ, а съ оныхъ позади рядовъ гдѣ небольшіе въ стороны проходы есть и часовыхъ поставить съ пристойнымъ наставленіемъ, чтобъ ими найпрілежно наблюдаемо было, дабы отъ бездѣльниковъ шалости и воровства не было, а пачебъ зажігательство не произошло, чего особливо тѣми часовыми надсматривать и имѣющіеся со сторонъ въ ряды проходы въ ночное время никого не пропускать, и въ ночное-жъ время съ пикетовъ караульнымъ кругомъ рядовъ внѣ оныхъ хожденіе имѣть; ежели-жъ въ ночное время тѣми караульными изъ подлыхъ людей кто шатающій или приближающійся къ рядамъ усмотрѣнъ и сумнительнымъ при томъ будетъ, таковыхъ ловить и къ допросу въ полицію объявлять, а сверхъ того по городу и патрулинкамъ для такова-жъ наблюденія велѣтъ обязывать и съ ними и въ находящихся при полиціи караульныхъ по одному человѣку посылать для показанія мѣстъ отъ полиціи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изъ Харькова выѣзды и при нихъ изъ обывателей караульные находятъ приставить изъ регулярныхъ же по одному человѣку съ подтвержденіемъ, чтобъ и при оныхъ караулахъ бездѣльники и злодѣи присматриваны и подъ караулъ браны были безъ послабленія“.

Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ исторіи нашего города вступила уже въ тотъ новый періодъ, который отмѣченъ уничтоженіемъ слободскихъ полковъ и казачьаго управленія и учрежденіемъ губерній: это распоряженіе исходитъ уже отъ перваго губернатора Щербинина. Но мы еще не окончили нашего очерка: остается еще одинъ предметъ начальственнаго попеченія, входившій въ городское благоустройство, предметъ важный и интересный—это городская промышленность, въ видѣ ремеселъ и торговли.

Свободные Харьковскіе обыватели, и входившіе въ составъ казачьяго сословія, занимались или ремеслами или торговлею. Ремесленники, а частью и торговцы (какъ, напр., мясники), организовались въ цехи. Цеховое устройство, стоявшее въ связи съ таковымъ-же западно-европейскимъ цеховымъ устройствомъ, изстари было свойственно малорусскимъ ремесленникамъ. Харьковскіе малоруссы ремесленники не составляли исключенія. Въ приведенной ниже инструкціи есть грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 1671 года объ установленіи цеховъ въ Харьковѣ; конечно, нельзя понимать эту грамоту такъ, что ея учреждаются цехи на-ново, ея давалась лишь существующимъ цехамъ officialная санкція. Это особенно ясно изъ того мѣста, гдѣ говорится о судѣ. Указомъ Петра Великаго отъ 1722 г. ремесленные цехи сдѣланы были общерусскимъ учрежденіемъ. По переписнымъ книгамъ майора Хрущева въ Харьковскомъ полку въ 1732 году числилось „цеховыхъ разныхъ художествъ 559 душъ“. До 1765 г. Харьковскіе цехи предоставлены были самимъ себѣ и оставлены безъ всякаго начальственнаго о нихъ попеченія. Въ началѣ этого года Полковая канцелярія издала инструкцію съ цѣлью упорядочить цеховую организацію. Въ это время въ Харьковѣ было 11 цеховъ: кравецкой, шевскій, ткацкій, ковальскій, шаповальскій, гончарскій, римарскій, рѣзницкій, бондарскій, склярскій и музыкантскій. Первенство до этихъ поръ принадлежало кравецкому цеху; теперь оно передается цеху рѣзницкому. Вотъ эта любопытная инструкція.

„Изъ Харьковской Полковой Канцеляріи города Харькова рѣзницкаго цеха цехмистру.

По указу блаженнаго и вѣчной славы достойнаго памяти Государа Петра великаго состоявшемуся въ прошломъ 722 году Апрѣля 27 дня повелѣно: въ цехи писать ремесленныхъ всякихъ художествъ изъ гражданскихъ жителей какъ изъ російскихъ всякихъ чиновъ и изъ иноземцевъ завоеванныхъ городовъ, такъ и чужестранныхъ людей, которые похотятъ вѣчно или временно, и изъ оныхъ настоящихъ мастеровъ выбрать алдермановъ, въ силу котораго указа ты въ рѣзницкомъ цеху въ алдерманы опредѣленъ, кое званіе по малороссійскому нарѣчію цехмистромъ именуется.

А по сысканнымъ въ Харьковской Полковой Канцеляріи дѣламъ значится, что въ грамотѣ 1671 года Марта 9 дня написано: „По указу Вели-

каго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества ближніе бояринъ и воевода и намѣстникъ Бѣлагородскій князь Григорій Григоріевичъ Ромодановскій Стародубскій приказалъ Харьковскимъ градодержцамъ воеводѣ Григорію Васильевичу Грецову, полковнику Григорію Врофѣвичу Донцу, жебы (чтобы) для покою посполитого (всенароднаго) и для всякаго порядку городского и государевой службы городской и для размноженія въ цехахъ церемоній и церквамъ божіимъ, какъ свѣчъ, ладановъ, яко тежъ (тоже) и святыхъ иконовъ и иныхъ украшеній, такъ звоновъ, яко-же и книгъ и для иныхъ контентовъ, безъ которыхъ церковь божія восточная, мати наша, николиже безъ нихъ маєтъ пребывать, учинили въ Харьковѣ всякимъ людямъ, обывателямъ Харьковскимъ и всего уѣзду Харьковскаго жилицамъ чины (должности), а въ чинахъ ихъ жебы были старшины, тожъ по указу Великаго Государя нашего Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества и по приказу боярина и воеводы князя Григорія Григоріевича Харьковскимъ и уѣзжымъ людямъ, а менованного ремесла кравецкаго (портняжескаго) велѣно имъ, жебы они себѣ въ единостанно цехъ держали, цехмистромъ у нихъ велѣно быти Харьковскому-жъ обывателю Демьяну Давыдову и жебы они Демьянъ цехмистръ съ братією своею цехово судъ имѣли ведлугъ (по) ихъ ремеслаи ведлугъ всякихъ обычаевъ цеховыхъ стародавнихъ ихъ, якъ и прежде сего у нихъ бывало, а меновито (а именно) велѣно имъ судитися съ тѣхъ артикуловъ, которіе у нихъ есть написаны давними часы (въ прежнее время), и яко имъ въ тѣхъ артикулахъ повелѣваетъ судитися, тако и мають; выше и ниже тѣхъ артикуловъ вымышлять имъ не велѣно: кривавой раны судити и злодѣйской вини межъ собою имъ не велѣно, а ведлугъ (относительно) государевы городской службѣ, жебы коимъ укажутъ во всемъ готовыми были во оную повинность ихъ, было бы отъ Бога ихъ въ церквахъ божіихъ стараніе, жебы пилное (усердное) о всякомъ украшеніи церковномъ имѣли, а въ подводы ихъ высылатъ не велѣно до Государева указу, и они кравцы (портные) и кушники (скорники) Демьянъ цехмистръ съ братією своею цеховоу судитися повинни такъ, якъ въ семь листѣ имъ велѣно и подано. Писанъ въ Харьковѣ року (года) 1671 мѣсяца Марта 9 дня. Бытъ въ цеху до Государева указу, а службу великаго Государя всякую городovou служить и Государевы подати платить безприкословія и судомъ и росправоу цехмистру не вѣдать, а про всякія дѣла извѣщать въ съѣзжей избѣ. Писалъ я Григорій Грацовъ“.

Въ соблюденіе коего по высочайшимъ древнимъ узаконеніямъ въ Харьковскомъ полку и во время чинимой въ 732 году майоромъ Хрущовымъ переписи по переписнымъ книгамъ значится написано цеховыхъ разныхъ художествъ 559 душъ. Но отъ самого того времени, какъ 1671 году въ грамотѣ значить, тѣ цехи въ Харьковскомъ полку учредить велѣно, кои и учреждены, но по происшедшимъ перемѣнамъ и военнымъ случаямъ, въ коихъ полковые команды угражнати должны были, а въ городскихъ распорядкахъ имъ время не доставало, и до днесь безъ всякаго подкрѣпленія того необходимаго въ мастерствахъ установленія оставлено. Того ради по собраннымъ въ силѣ указовъ обстоятельствамъ и происшедшимъ въ мастерствахъ непристойностямъ опредѣлено тебѣ поступать слѣдующимъ порядкомъ:

1-е.

Вѣдомства своего художнимъ людямъ имѣть именныя записныя книги, также ежели похотятъ мастерские и кромѣ гражданъ и изъ другихъ чиновъ людей и изъ людей боярскихъ и изъ поселянъ мастерство дѣлать, то и таковыя всяки пришесть въ городъ, когда похочетъ жить, явится у тебя и ежели у таковыхъ будутъ отъ помѣщиковъ или отъ прикащиковъ ихъ отпускныя письма тѣ записывать въ полицію, а ихъ въ ихъ искусствѣ свидѣтельствовать воимъ цехомъ и по свидѣтельству, которые явятся достойны быть мастерами, тѣмъ давать письма, что имъ быть мастерами дозволяется.

Тебѣ особливо предписывается каждого года два раза, т. е. первое въ мясоѣдѣ послѣ Свѣтлага Христова Воскресенія, собравъ тебѣ рѣзниковъ при здѣшнемъ полицмейстеру, учинивъ пробу, разрѣзать яловину среднюю и меньшую цѣнами и взвѣсить мясо и положи въ цеху кожи и сало и послѣ мясо расцѣпить, почему какія мѣста обходиться могутъ, полагая противъ ихъ барышъ со всѣми издержками или харчами не больше какъ по десяти копѣекъ на рубль, ибо можно тѣми деньгами три или четыре раза въ годъ свое обращеніе имѣть, то довольно будетъ всякій разъ по десяти процентовъ получить, и въ четыре раза сдѣлаетъ сорокъ, а въ другое время послѣ Успеніева дни тожъ съ полицмейстеромъ примѣчаніе сдѣлать, ибо въ то время тѣ апробаціи тобою съ полицмейстеромъ учинены будутъ, то ту разцѣпку за руку свою и того полицмейстера для апробаціи подать въ Полковую Канцелярію, въ которой и апробовано быть имѣть, и тебѣ наблюдать, чтобы при томъ по той цѣнѣ продаваемо было, а излишней цѣны отнюдь брато не было-бъ. При томъ тебѣ смотрѣть, чтобы у всѣхъ мясниковъ фартухи и балахони въ лѣтнее время были-бъ во время продажи мяса бѣлыя холстянныя, и при томъ полки вымыты и выскреблены и мясо покрывало также бѣлымъ холстомъ, бойницы, чтобы были отъ лавокъ въ отдаленности и мясо чтобы было свѣжее, а ежели усмотришь несвѣжее или нездоровое, тотчасъ рѣзникамъ повелѣвать сносить, и когда не въ одинъ разъ тобою примѣчено такое неспособное о пищѣ человеческой на полкахъ мясо, то хозяевъ брать подъ караулъ и штрафовать, а дурное мясо забирать и закапывать въ землю, чтобы иногда отъ употребленія такого нездорового въ пищу мяса не нанести жителямъ употребляющимъ оное болѣзни, ибо обыкновенно такое дурное мясо бываетъ продаваемо дешевле, а мало-мочные люди не разсудя въ чемъ опасности по недостатку своему дешевле покупать станутъ и тѣмъ себѣ нанесутъ бѣдство. Ежелижъ того ты наблюдать не будешь, и та неисправность и опасность усмотрится, то первое съ хозяевъ взято будетъ на полицію штрафа первое противъ заработныхъ денегъ вдвое, за второе въ четверо, а за третье учинено наказаніе, а съ тебя за ненаблюденіе взято быть имѣть на полицію за первое преступленіе штрафа противъ майстерскаго, втораго штрафа въ трое, а за третье по усмотрѣнію учинено будетъ наказаніе и больше къ должности опредѣленъ быть не можешь.

3-е.

Какъ градскимъ жителямъ, такъ и пришлымъ мастеровымъ людямъ подмайстерей и учениковъ держать у себя сколько кто похочетъ, только съ свидѣтельствованными письмами, что они не бѣгле, которыхъ какъ пришлыхъ мастеровыхъ людей, такъ подмайстерей и учениковъ съ гражданами не числить, и жить имъ въ тѣхъ мѣстахъ сколько кто похочетъ, а ученикомъ ранѣе семи лѣтъ не отходить, а по семи лѣтъ давать свидѣтельствовавшія письма и свидѣтельствовать такъ, какъ въ чужихъ краяхъ и по древнимъ въ томъ обыкностямъ.

4-е.

Со всякихъ учениковъ, вступающихъ въ наученіе, брать при вступленіи по десяти копѣекъ и записывать ихъ то вступленіе въ полицію, взять съ того сколокъ (копію) одинъ цехмистру тебѣ, а другой того ученика мастеру, впредъ для свѣдѣнія за руками полицмейстера, а что предъ симъ бравшимъ съ учениковъ на церковь божію, т. е. на свѣчи и прочее, оное хотя оставляется на прежнемъ обыкненіи, только-бъ оное не на партикулярное лихоимство и весьма противъ прежняго съ убавкою, да и то съ согласія всѣхъ мастеровъ и того ученика, безъ излишества, ибо то нынѣ высшимъ ея императорскаго величества монаршимъ изволеніемъ истреблено, а къ тому въ здѣшнемъ городѣ въ наученіяхъ художества болѣею частью вступають бѣдныя неимущія сироты и кои состоятъ во вспомогательствахъ

казаковъ и ежегодно платять подушныя деньги. Того ради отъ нынѣ впредъ таковыхъ, какъ передъ симъ происходило, непристойныхъ взятокъ не брать, а ежели ученику урочные года противъ вышеписаннаго отойдутъ, тогда взявъ отъ майстра его извѣстіе сколько ученикъ его имѣетъ собственно заработныхъ денегъ и по разсмотрѣнію мастеровыхъ частныхъ людей на церковь божію взять по состоянію нѣкоторую часть, а не болѣе 50 копѣекъ, которые записать въ приходъ въ особливую тетрадь и онымъ расходъ дѣлать съ соизволенія всѣхъ мастеровыхъ людей и записывать въ расходъ, какъ и прочее.

5-е.

А какъ то въ городѣ Харьковѣ цехи находятся кравецкой, шевской, ткацкой, ковальской, шаповальской, гончарской, римарской, рѣзницкой, бондарной, склярской и музыканской, въ которыхъ состоящіе мастера и ученики подушныя деньги по $40\frac{3}{4}$ к. платять въ Ахтырскую Полковую канцелярію въ дистриктъ, и обыкновенно по указамъ о состоящихъ въ дистриктѣ людяхъ о прибыли и убыли отъ владѣльцовъ и ихъ атомановъ подаются ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ вѣдомости, того ради какимъ образомъ всѣмъ вообще цехамъ тѣ вѣдомости подавать и окладныя деньги платить, то-жъ и городовыя повинности въ силѣ грамоты 1671 года отбывать, о томъ въ порученной по первенству цеховъ кравецкому алдерману надъ всѣми цехами власти въ данной ему инструкціи предписано, которому тебѣ въ повѣнномъ и повинovatыя и приказанное исполнять слѣдуетъ.

6-е.

За всѣми мясниками примѣрно наблюдать, дабы они не свѣдомыхъ людей и безъ письменныхъ видовъ въ челядники къ себѣ ни подѣ какимъ видомъ не принимали и кои добрые люди поняти будутъ смотрѣть, дабы они въ рукодѣіи своемъ были прилѣжны и мастерамъ своимъ послушны, а на-противу того мастера ихъ тѣмъ челядникамъ обидѣ чинить и заработанное удерживать не должны.

7-е.

Во всѣхъ происходящихъ вѣдомства твоего между мясниками непорядкахъ не въ большихъ дѣлахъ разбирательства чинить тебѣ съ честными и не подозрительными людьми по самой справедливости, а ежели въ чемъ разбирательство тебѣ самому учинить будетъ не возможно, то представлять въ здѣшнюю полицію, отъ которой разбирательство учинено будетъ по увѣренной въ томъ власти.

Будучи у сей врученной тебѣ должности поступить порядочно, ко взятамъ и инымъ какимъ лихоимствамъ ни подѣ какимъ видомъ отнюдь не касаться подѣ штрафомъ“.

Такимъ образомъ главное вниманіе было сосредоточено на рѣзницкомъ цехѣ. Вѣроятно, онъ только недавно достигъ такого значенія, которое двигало его на первое мѣсто; къ тому же внимательство власти въ дѣла рѣзницкаго цеха болѣе чѣмъ какого либо другого обусловилось все нарастающими требованіями городского благоустройства. Тогда же, повидимому впервые, была установлена и такса на мясные припасы. Вотъ эта такса. Говяжье мясо вѣсовое: отъ груди, реберныхъ краевъ и покромъ—1 коп. фунтъ, себѣ, бедро и кострецъ— $\frac{3}{4}$ коп., передовыя части— $\frac{1}{2}$ коп., сало—2 коп. Говяжье мясо безъ вѣсу: голяшка большой скотины—4 коп., средней—3 коп., меньшей—2 коп.; зарѣзъ большой скотины 3 коп., средней—2 к., меньшей—1 к.; гусакъ съ печенкою большой скотины 5 к., средней—4 к., меньшей—3 к.; почки большой скотины—3 к., средней—2 к., меньшей—1 к.; рубецъ большой скотины 6 к., средней—4 к., меньшей—2 к.; голова съ губою и ногами—большой скотины—10 коп., средней—7 коп., меньшей—5 к.

На баранье мясо такса была слѣдующая: фунтъ мяса— $\frac{3}{4}$ коп., сала— $1\frac{1}{2}$ к., голова большого барана 1 к., средняго— $\frac{1}{2}$ коп., меньшаго— $\frac{1}{4}$ коп.

тусахъ съ печенкою большого барана 2 к., среднего 1½ к., меньшаго—1 к., кожа большого барана—30 к., среднего—22 к., меньшаго 13 к. Нельзя сказать, чтобъ мясники легко и охотно подчинились стѣсненіямъ, какія налагала на нихъ такса: по крайней мѣрѣ почти вслѣдъ за ея установленіемъ мы встрѣчаемъ дѣло о нарушеніи таксы, и никѣмъ инымъ, какъ самими цехмистромъ рѣзничкаго цеха—Вашенкомъ, который продалъ пудъ сала, вмѣсто утвержденныхъ 80 к., за 1 рубль. Вообще, приведенная выше инструкторія цехамъ, повидимому, не уничтожила безпорядковъ и злоупотребленій внутри цеховъ: продолжаютъ произвольные и высокіе поборы со стороны цехмистровъ, которые “слѣдую своему прежнему больше лакомству, нежели наблюденію порядка, налагаютъ во всемъ неудобно-носимые порядки безъ всякаго разбора отъ рубля до трехъ и пяти рублей, употребляя ихъ на одно свое пьянство” и т. д.

Рядомъ съ вмѣшательствомъ въ дѣло мясниковъ, мы встрѣчаемъ со стороны Полковой канцеляріи стремленіе урегулировать также торговлю виномъ, собственно иностраннымъ виномъ, крымскимъ и волошскимъ. Торговали этими винами и малороссіане, но главнымъ образомъ греки.

Собственно на этихъ торговцевъ-грековъ, во главѣ которыхъ стоялъ сотникъ, вѣроятно, тоже грекъ, и направлены были мѣропріятія со стороны мѣстнаго начальства. Отъ нихъ требовалось, чтобъ они не мѣшали плохого вина съ хорошимъ, не обманывали слугъ, пользуясь ихъ неумѣньемъ различать качества винъ, не употребляли фальшивыхъ мѣръ, а мѣры на казенное ведро и чтобъ для установленія порядка выбрали промежду себя виннаго голову. Торговцы съ сотникомъ во главѣ доносили канцеляріи, что никакихъ злоупотребленій, въ видѣ мѣшанья хорошаго вина съ дурнымъ, обмана слугъ, фальшивыхъ мѣръ, они не допускаютъ, но что мѣры могутъ лишь на тѣ мѣры, на какія сами покунаютъ, т. е. крымское вино—на око, а волошское—на иѣжинскую кварту, и просить у Полковой канцеляріи клейменныхъ мѣръ, ока и кварты. Что-же касается до выбора промежду себя виннаго голову, то этотъ пунктъ торговцы нашли для себя особенно стѣснительнымъ и энергично противъ него протестовали. Когда Полковая канцелярія оставила ихъ просьбы безъ вниманія, греки-торговцы обратились съ своими просьбами и протестами къ начальнику Украинской дивизіи Олицу. Этотъ вошелъ въ интересы торговцевъ. Онъ распорядился, чтобъ ихъ не стѣсняли ни цѣной, ни мѣрой, иначе „и другіе держать не будутъ, и чрезъ оное не только желающимъ купить будетъ негдѣ, но и въ казнѣ собираемой при провозѣ его въ пограничныхъ таможенныхъ убыль послѣдовать можетъ“. Относительно же виннаго головы распорядился: „опредѣлить къ смотрѣнію за ними не изъ чужестранныхъ, дабы они того къ отягощенію себѣ приписывать не могли, но изъ живущихъ въ Харьковѣ и имѣющихъ таковой же промыселъ другихъ обывателей“.

Этимъ мы и заканчиваемъ нашъ очеркъ благоустройства города Харькова въ этотъ первый его періодъ, оказавшійся въ тоже время и критическимъ, переходнымъ. 18 января 1765 г. была учреждена Слободско-Украинская губернія, губернаторомъ которой назначенъ Шербининъ; указомъ 28 іюня—уничтожено Слободское козачество, и слободские полки переформированы въ гусарскіе. Конечно, старые органы продолжали еще дѣйствовать нѣкоторое время, но инициатива перешла уже въ другія руки. Возникшіе на мѣсто ихъ новые органы, конечно, иначе отнеслись и къ дѣлу городского благоустройства: вѣроятно, они оказались приспособленнѣе къ этой специальной цѣли, хотя, быть—можетъ, обыватель и не замѣтилъ на первыхъ порахъ увеличенія своего благоденствія отъ этого обстоятельства. Но пусть все это разъяснитъ намъ подробно уже будущая исторія Харькова, которой Харьковъ въ правѣ ожидать отъ своихъ просвященныхъ представителей.